

Словно тень, бредущая за светом во сне (часть 3)

Для выпускника исторического факультета, коим был Чао Цы, карьерные перспективы выглядели довольно туманно. Путь лежал либо в науку — через магистратуру и докторантуру, либо в преподавательскую деятельность. Успеваемость Чао Цы в университете была блестящей, и он без труда мог претендовать на квоту для продолжения обучения в родном вузе. Его научный руководитель, искренне восхищавшийся талантом юноши, не раз приглашал его остаться на кафедре.

Поэтому, когда Чао Цы решил податься в гостиничный бизнес, наставник не скрывал своего разочарования и изумления. С точки зрения профессиональной реализации это решение казалось совершенно нелогичным.

Как и большинство новичков, Чао Цы поначалу терялся в рабочих буднях. Однако он давно привык приспосабливаться к любым, даже самым суровым условиям, а потому спустя пару месяцев окончательно втянулся в ритм.

За это время ему редко доводилось видеть Линь Чжэна, хотя тот и оставался главной темой для кулуарных разговоров среди сотрудников. Кабинет альфы располагался на самом верхнем этаже небоскреба, и их пути практически не пересекались. Лишь случайность могла свести их вместе.

Но случайность — вопрос вероятности: чем дольше длится ожидание, тем выше шанс на встречу.

Однажды утром Чао Цы действительно столкнулся с Линь Чжэном.

Это произошло прямо у входа в здание. Юноша, едва сошедший с поезда метро, торопливо шагал к дверям, в то время как Линь Чжэн в сопровождении секретаря приближался с другой стороны.

Заметив знакомую фигуру еще в нескольких десятках метров, Чао Цы замер, не в силах скрыть изумления.

Линь Чжэн сильно изменился, но в то же время остался прежним. Раньше, в университете, он предпочитал свободный стиль, теперь же на нем был безупречный серебристо-серый костюм. Запонки с драгоценными камнями идеально сочетались с его изумрудными глазами — такие же красивые и такие же недостижимые.

Чао Цы так долго и упорно трудился лишь ради того, чтобы стать к этому человеку хоть чуточку ближе. Но сейчас, когда цель была достигнута, им внезапно овладела робость.

Он невольно замедлил шаг, надеясь пропустить Линь Чжэна вперед. Однако тот не вошел в здание сразу, а остановился, будто всматриваясь в его сторону.

«Он... смотрит на меня?»

Сердце Чао Цы наполнилось радостью, но следом нахлынули тревога и сомнение. Тем не менее Линь Чжэн ждал, и как бы медленно юноша ни шел, ему всё равно пришлось подойти. Остановиться на полпути было бы слишком нелепо.

Когда Чао Цы поравнялся с дверями, мужчина действительно вперил в него свой пронзительный взгляд.

— Линь... господин Линь, доброе утро, — Чао Цы почтительно поклонился.

— Ты работаешь в «Минъюй»? — спросил Линь Чжэн.

Собеседник был очень высок. Если издалека это не так бросалось в глаза, то вблизи он возвышался над Чао Цы почти на целую голову. Когда такой человек смотрит на тебя сверху вниз, от его подавляющей ауры невозможно скрыться.

— Да, — ответил Чао Цы.

— Насколько я помню, ты учился на историческом, — заметил Линь Чжэн. — Неужели не прошел по квоте в магистратуру?

Его голос звучал так же холодно и отстраненно, как и он сам.

— Нет, дело не в этом, — Чао Цы покачал головой, не смея поднять глаз.

Если квота была получена, то причина, по которой он оказался здесь, становилась очевидной.

Линь Чжэн сверху вниз разглядывал бету. Самый обычный юноша, лишенный каких-либо выдающихся черт или талантов, которые бросались бы в глаза.

В его памяти первое четкое воспоминание об этом человеке было связано с тем днем, когда тот пришел расспрашивать его о выборе вуза. Уже тогда во взгляде парня читалось нескрываемое обожание. Для Линь Чжэна в этом не было ничего необычного — многие влюблялись в него с первого взгляда. Но тех, кто обладал бы таким же упорством, как Чао Цы, встречалось немного.

Стоило Линь Чжэну обмолвиться, что он собирается в университет А, как Чао Цы

действительно сумел туда поступить. Альфа не знал, как юноша учился в школе, но, чтобы попасть в лучший вуз страны, нужно было входить в пятерку лучших учеников выпуска. Будь Чао Цы отличником такого уровня, Линь Чжэн наверняка запомнил бы его раньше.

Он поступил в университет А и взял физику как дополнительный профиль. Весь второй семестр второго курса он каждое утро приносил Линь Чжэну завтраки. Чтобы быть рядом, он всегда садился неподалеку, хотя их и разделял проход между рядами. Линь Чжэн часто видел его сосредоточенное, полное муки лицо во время лекций — историку изучение физики в таком вузе наверняка давалось с колоссальным трудом.

Завтраки, которые он готовил, были удивительно вкусными. Оставалось загадкой, как студент, живущий в общежитии, находил время каждое утро заниматься готовкой.

И вот теперь этот человек ради него пришел в «Минъюй». Для выпускника-историка работа здесь была тупиком, лишенным всяких перспектив, если только он не обладал феноменальными способностями или влиятельными связями. Но Чао Цы не имел ни того, ни другого.

Линь Чжэн на несколько секунд задержал на нем взгляд. Чао Цы стоял, опустив голову, чувствуя, как от нервного напряжения спина покрывается холодным потом.

Альфа отвел глаза и достал телефон. Листая список контактов, он негромко произнес:

— Я свяжусь с твоим наставником с исторического факультета, Фу Цином. Насколько мне известно, у него должно оставаться одно место в магистратуре.

Чао Цы вздрогнул и поспешно воскликнул:

— Не нужно!

— Это будет слишком обременительно для вас, правда, не стоит. К тому же я... я и сам хотел поскорее начать работать, — голос Чао Цы к концу фразы сорвался на шепот.

Несмотря на опущенную голову, он отчетливо почувствовал, как аура Линь Чжэна стала еще более тяжелой и холодной. Он понимал: тот желает ему добра и готов ради него использовать свои связи. Но...

— Как хочешь, — голос Линь Чжэна стал совсем ледяным.

Он развернулся и зашагал прочь. Лишь когда он скрылся в глубине холла, Чао Цы осмелился поднять взгляд, провожая его фигуру до дверей лифта.

Эта встреча оставила в душе горький осадок. Хотя разговором это можно было назвать лишь с большой натяжкой, Чао Цы чувствовал себя совершенно подавленным.

Он знал, что Линь Чжэн хотел помочь. Спустя столько лет вновь ощутить его участие — это должно было стать поводом для радости. Но Чао Цы уже твердо решил остаться в компании. К тому же он не мог позволить Линь Чжэну «выбивать» для него место — во-первых, это было против его принципов, а во-вторых, он не хотел быть обузой.

В итоге он отверг проявленную доброту. Столько усилий, столько лет ожидания ради того, чтобы стать ближе, — и всё это было испорчено его собственной «неблагодарностью».

Однако он не ожидал, что их следующая встреча произойдет так скоро.

Прошло около двух недель. Проснувшись утром, Чао Цы почувствовал странное недомогание. Голова была тяжелой, а во всем теле ощущалась свинцовая слабость. Тем не менее состояние не казалось критическим, и он заставил себя пойти на работу.

Ближе к обеденному перерыву начальник группы поручил ему отнести документы на верхний этаж. Когда Чао Цы вышел из лифта, дурнота усилилась, а перед глазами поплыли мутные пятна. Он осознал, что дело плохо, и решил поскорее разделаться с поручением, чтобы прилечь во время перерыва.

Погруженный в эти мысли, он на повороте в коридоре налетел на кого-то. Встречный был высок и крепок; Чао Цы ткнулся лбом прямо в его грудь, твердую, словно камень.

— Простите, ради бога, простите! — забормотал юноша, поспешно поднимая голову. Но, разглядев того, с кем столкнулся, он замер.

— Господин Линь... — прошептал он.

Линь Чжэн, глядя на притихшего перед ним бегу, тоже почувствовал неладное. В воздухе отчетливо разливался запах феромонов. Едва эта мысль мелькнула в голове, как аромат стал еще гуще.

Линь Чжэн нахмурился, догадываясь о причинах. Он схватил Чао Цы за руку и затащил в кабину лифта.

Сквозь туман в голове Чао Цы почувствовал лишь рывок. Хватка мужчины была стальной, пальцы сжимали предплечье так сильно, что кости начали ныть.

Когда двери лифта сомкнулись, концентрация феромонов в тесном пространстве стала почти невыносимой. Тонкий, нежный аромат фрезии.

У Чао Цы начиналась вторичная дифференциация.

Случаи, когда беты во взрослом возрасте превращались в омег, были редки, но науке известны. В процессе такого перехода человек теряет контроль над выбросом феромонов, что в общественном месте неизбежно приводит к хаосу.

Линь Чжэн проходил специальную подготовку по десенсибилизации, и обычные феромоны омег на него не действовали. Но сейчас, вдыхая аромат Чао Цы, он почувствовал, как самообладание начинает ему изменять.

Это открытие поразило Линь Чжэна. Глядя на дрожащего, покрытого испариной Чао Цы, который едва держался на ногах, он осознал пугающую истину: их совместимость была запредельно высокой. Иначе он бы не реагировал так остро.

Линь Чжэн не испытывал к Чао Цы никакого интереса. Он не был из тех альф, что позволяют инстинктам брать верх, поэтому первой его реакцией стало чувство опасности. Они были слишком совместимы и заперты вдвоем в замкнутом пространстве.

К счастью, его воля была непоколебима, а процесс дифференциации юноши еще не достиг пика. Линь Чжэн достал телефон и велел секретарю немедленно принести в его кабинет упаковку подавителей.

Когда лифт наконец остановился, Чао Цы уже не мог стоять. Линь Чжэну пришлось подхватить его под руку и почти тащить за собой. Повезло, что большинство сотрудников уже ушли на обед, иначе густые волны феромонов спровоцировали бы беспорядки.

Линь Чжэн завел Чао Цы в свой кабинет и опустил на диван, собираясь тут же выйти. Остаться в одной комнате было слишком рискованно.

Но внезапно Чао Цы вцепился в его рукав. Сознание юноши почти угасло, но в критический момент пробуждения сущности омеги становятся крайне уязвимы и инстинктивно ищут защиты у тех, кто им дорог.

Лоб Чао Цы блестел от холодного пота, влажные пряди волос прилипли к лицу, придавая ему болезненный и одновременно притягательный вид. Он искусал губы до ярко-алого цвета. Его затуманенный взгляд был прикован к Линь Чжэну.

Только сейчас альфа заметил, какими красивыми были глаза юноши — большие, влажные, в форме лепестков персика. Рубашка Чао Цы пропиталась потом и плотно облегла тело, подчеркивая его хрупкость и тонкую линию талии.

— Сюэчжан... — пробормотал он, лишенный остатков самоконтроля. Все те оковы, что сдерживали его раньше, вмиг рассыпались. Он снова и снова шептал, словно в бреду: — Я люблю тебя... Люблю... Так сильно люблю...

«Настолько сильно?»

Линь Чжэн какое-то время стоял, склонившись над ним и пристально изучая, а затем с силой высвободил руку и вышел из кабинета.

Оказавшись снаружи, он прождал десять минут, чувствуя непривычное смятение в мыслях. Вскоре прибежал секретарь с пакетом в руках.

— Тот человек внутри. Сделай ему инъекцию ингибитора, — распорядился Линь Чжэн.

Секретарь не стал задавать вопросов и через несколько минут вышел, доложив:

— Шеф, всё готово. Он уснул.

Линь Чжэн кивнул и снова вошел в кабинет. Запах феромонов всё еще был очень сильным. Чао Цы лежал на диване, свернувшись в маленький комочек.

Его взгляд замер на нем. Он не понимал, как у него могла быть такая высокая совместимость с этим человеком. Он не измерял ее точно, но знал — она выше, чем с кем-либо из тех, кого он встречал прежде.

Этот юноша был полной его противоположностью. Линь Чжэн был уверен: он ни за что не смог бы полюбить такого, как Чао Цы.

Он быстро отвел глаза. Линь Чжэн всегда презирал альф, идущих на поводу у своей физиологии, и не собирался позволять совместимости диктовать ему условия. На это не стоило обращать внимания.

<http://bllate.org/book/15361/1417628>